

ДРАКОНЫ
СЕРЕБРА

ЗЕМЛЯ ЗЛОГО ДУХА

КРЕСТ И ПОРОХ

ДАЛЬНИЙ ПОХОД

ВЗГЛЯД ЗМЕИ

ПРОПАВШАЯ ВАТАГА

ДРАКОНЫ СЕВЕРА

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ
АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

КРЕСТ И ПОРОХ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П 79

Разработка серийного оформления *С. Власова*

В оформлении переплета использована работа *В. Ненова*

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П 79 Крест и порох / Александр Прозоров, Андрей Посняков. — Москва : Эксмо, 2014. — 352 с. — (Драконы Севера).

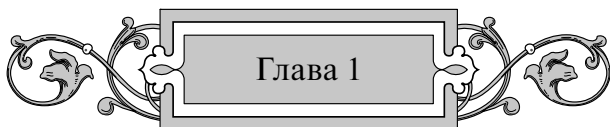
ISBN 978-5-699-76338-2

На отогревшемся под колдовским солнцем Ямале жизнь похожа на рай: шаманы колдовством загоняют динозавров и мамонтов под копья охотников, рыба сама плывет в корзины, огороды круглый год плодоносят, в легких хижинах тепло и летом и зимой. Никто не желает слушать «черную шаманку», предрекающую смерть обитателям мира, не отказавшимся от битв и страданий. Ее ждет жестокая казнь, дабы проклятиями своими колдунья не накликала беду... Однако казачья ватага под командой атамана Ивана Егорова уже пересекла границу обширного мира чародеев и узнала, что в каждой деревне имеется золотой идол, которому поклоняются язычники...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Прозоров А., Посняков А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-76338-2

Осень 1583 г. П-ов Ямал

Дальний дозор

Золотой идол сиял под полуденными лучами, словно маленький осколок солнца: гладко отполированная голова, широко разведенные плечи, полусогнутые руки, плотные, слегка расставленные ноги и массивное, могучее, выставленное вперед мужское достоинство...

— Фу, срамота! — Русобородый отец Амвросий, потрянув гривастой головой, поднял из-под ног камень и что есть силы ударил по окаянному отростку, расплющивая его и изгибая ближе к туловищу.

Собравшиеся округ казаки невольно охнули, многие даже дернулись руками к низу живота. Однако священник с праведной уверенностью расплющил достоинство и второго идола, после чего отбросил булыжник и брезгливо отер ладони о полы рясы.

— Таково и надобно с мерзостью сией поступать! — торжествующе провозгласил он, отступая в сторону, ближе к атаману Ивану Егорову.

Два захваченных в ближних деревнях идола, каждый высотой в локоть, никакого сопротивления ему,

понятно, оказать не смогли и теперь, несмотря на прежний блеск, выглядели жалко и позорно, вызывая у мужчин скорее сочувствие, нежели презрение.

— Дозволь, атаман, слово молвить! — вскинул руку немец Ганс Штраубе из Мекленбурга, затесавшийся в казачью ватагу благодаря не раз выказанной храбрости и даже числившийся в ней сотником, пусть пока никем и не командуя. Ныне, в татарской куньей шапке и потрепанном кожухе, от всех прочих ватажников он почти не отличался. Разве только стриженным подбородком, брить который в дальнем походе было иноземцу зело неудобно. Не дожидаясь ответа, воин стал протискиваться вперед, распихивая плечом сотоварищей, вышел к стоящим на чурбане идолам.

— Сказывай, Ганс, — согласно кивнул атаман.

— Знаю я, други, нема у нас соли! — решительно провозгласил немец. — Порох на исходе, свинца того менее, об иных припасах и не вспоминаю. Однако же, слава святой Бригите, золото мы нашли! — указал он на сверкающих идиолов. — Таковых чурок в каждой деревне дикарской по штуке выйдет, а в больших, главных капищах оные в рост человеческий найдем, не менее!

Ганс Штраубе шумно втянул носом воздух, обвел взглядом одобрительно зашумевших казаков и продолжил:

— Коли с идолами сими вернемся, други, то попомните слово мое, моментом охотников за сокровищами здешними не одна тыща соберется! Князья и бояре с дружинами примчатся, сам Строганов с людишками заявиться не побрезгует! И не достанется

нам, други, ни славы, ни злата, ни простой людской памяти. Однако же, коли капища языческие сами разорим, здесь каждому по идолу вот такому на жизнь выйдет и еще останется, что в казну сдать и чем перед Строгановыми отчитаться. И для славы хватит, доннер веттер, и для отчета, для наград царских за службу верную!

— Верно немец сказывает! — тут же подхватили воины. — Любо Гансу! Ладно немец излагает!

— Не надобно нам чужих в деле нашем! — тут же вскинул сжатый кулак Штраубе. — Сами управимся!

— Са-ами!!! — поддержали его казаки. — Любо немцу! Сами!

Казачий атаман Иван Егоров, сын Еремеев, в задумчивости потер лоб, не торопясь с ответом. Ибо приговор свой провозглашал казачий круг — однако исполнять решение предстояло ему, атаману. Между тем на берегу морском, возле недостроенного острога, собралось всего семь десятков мужчин. Причем довольно потрепанных за время долгого похода, в истершихся грязных одеждах, частью потерявших оружие, израсходовавших все припасы. Семьдесят воинов вздумали начать войну супротив целого государства, пусть и дикарского, языческого. Но все же имевшего только деревень раз в десять больше, нежели у него людей уцелело, плюс к тому — города покамест неведомые, рати свои, в сражения пока не вступавшие, да еще и колдунов могучих и опытных, а не тех недоучек, что по окраинам тупоголовых менквов пугают.

Однако же правдой было и другое: чем больше будет армия россиян, тем меньше добыча на каждого.

Один идол, подобный стоящим сейчас на чурбане, легко позволит ему с Настенькой поместье обширное купить али дело какое и жить до гроба в безбедности, детей и внуков растя. Чтобы каждому из казаков по идолу досталось — не меньше сотни деревень разорить надобно али пару капищ больших. Это ежели самим. Но коли из-за Каменного пояса большая армия подойдет, то со всей колдовской страны хорошо коли десять рублей на воина прибыток получится. И он, атаман, тоже среди простых казаков окажется. От командования его бояре знатные отодвинут сразу, в сем боярский сын Егоров не сомневался. Службы царской изведал досыта, законы местнические на своей шкуре изучил. Кто по рождению знатнее — тому и слава вся, и почет, и добыча.

— Вода-то у берега, други, морская, соленая! — подал голос Костька Сиверов, успевший поработать в юности солеваром. — В котлах наших малых кипятить ее, знамо, муторно, однако же на житье хватит. На время обойдемся, не пропадем.

— Порох со свинцом из воды не вываришь, — покачал головой атаман. — А их у нас на пару боев всего осталось, коли всерьез враг навалится.

— Мыслю я, Иван Еремеевич, морем Студеным до Печоры дойти можно, — предложил другой казак. — Тут, мыслю, недалече. Коли с ветром повезет, за месяц туда-обратно обернуться можно и в остроге Пустозерском порох со свинцом прикупить, особо делами своими не хвастаясь...

— Нехорошо сие, не по совести, — мрачно возразил священник. — За все снаряжение наше купцы Строгановы платили. Иван Еремеевич на кресте по-

клялся затраты сии им пятикратно возместить и торг всякий токмо через Строгановых вести! Коли мимо них снаряжение покупать, сие есть клятвопреступление, грех смертный. Опять же, вестей не имея, купцы могут иных казаков нам на выручку послать. Тогда и вовсе сраму не оберемся...

— Крестоцелование нарушать нельзя, это верно, — согласился немец. — Однако же, у Строгановых закупаясь, золотишком ведь можно и не хвастаться! Опосля в нем признаться, как с делом покончим... Тут уж никакого обмана не будет, клянусь святой Бригитой! Мы тогда и за снаряжение сполна уплатим, и товара мимо купцов не провезем. Что скажешь, атаман?

— Коли о золоте не упоминать, — задумчиво ответил Егоров, — тогда иной товар купцам показать надобно. Таковой, чтобы и пороха за него не пожалели, и в уплату за долг приняли, и помощи не снарядили, дабы дело расширить. У нас же здесь ни мехов не напромышлять, ни хлеба не собрать, ни сала или пеньки не заготовить. Чем платить, коли золото припрятать покамест собираемся?

В этот раз казаки промолчали, не зная, что ответить своему воеводе. Над кругом повисла тягучая тишина.

— Не томи, атаман! — первым не выдержал молодой казак Ондрейко Усов, усов, несмотря на прозвище, еще не наживший. — Сказывай, как сам мыслишь?

— Мыслю я, други, — негромко ответил Иван Егоров, — не выстоять нам без свинца и пороха супротив племен многолюдных здешних, чародейски-

ми хитростями владеющих. Истребят. Однако же и добычу нашу честную боярам-купцам припозднившись дарить мне тоже неохота. Посему, полагаю, пока припасы имеются, надобно нам, на деревеньки малые не размениваясь, главное святилище исчислить, на него набег совершить да большого идола сюда увезти. Такого, чтобы, поделив, все мы остаток жизни себе обеспечили. А опосля и обоз к Строгановым за припасом отправлять. Тогда уж, даже если обмануть нас купцы с боярами соберутся, все едино нищетой голозадой не останемся. Что нами взято и поделено — то уже точно нашим останется!

Восторга такое предложение не вызвало — как ни крути, а предложение немца забрать себе все выглядело заманчивее. Однако казаки были людьми разумными и опытными и потому правоту воеводы вынужденно признали, кивая и переглядываясь.

— То верно, супротив зверья здешнего без пороха не устоять... — вздохнул и Ганс Штраубе. — У иных шкуру иначе чем из фальконета вовсе не взять. А завалить токмо ядром пушечным выйдет.

— Истуканы языческие тяжелы будут, — приободрил воинов отец Амвросий. — Малые и то пару пудов весят, не менее. Коли полпуда на нос вам мало кажется, служивые, то вы вовсе страх потеряли. За такую добычу любой князь остаток дней бога благодарить станет, а вы нос воротите!

— Не воротим, отче! — опершись на свой дрын, покачал головой рослый и могучий Михайло Ослоп, на две головы возвышаясь над прочими казаками. — Коли по полпуда на нос взять выйдет, так и мы благодарить станем...

— Хотя за два пуда кланяться вчетверо готовы! — быстро закончил за него рыжебородый Василий Ярослав, и по рядам казаков пробежал легкий смешок.

— На сем и порешим, — кивнул Иван Егоров, подводя итог казачьему кругу. — Еще месяц здесь потратим, исчислим капище изрядное, в нем большой куш попытаемся взять, дабы каждому до конца дней хватило... А потом посланников за припасами снарядим и Строгановым в открытии своем признаемся. Любо?

— Любо, любо, — недовольно пробурчали воины и стали разбредаться по острогу, возвращаясь к дедам.

Принятое решение никому из них не нравилось... Но все они понимали вынужденность подобного шага, и потому атаман мог смело полагаться на любого — приказы выполнять будут, смуты и недовольства не возникнет. Раз круг постановил сделать одну последнюю попытку разбогатеть, после чего поделиться открытием с купцами — значит, так тому и быть.

Надо сказать, Иван Егоров тоже особой радости не испытал. Ведь круг постановил — а ему исполнять.

Семь десятков казаков против целой здешней страны...

Однако подобная возможность обеспечить себя и даже потомков на несколько поколений вперед, прославиться, выбиться наверх к «местам», в знатные боярские рода, выпадает лишь раз в жизни. Упустить столь редкостный шанс будет куда глупее, нежели riskовать всем в случившейся безнадежной войне.

— Убери покамест идолов сих с глаз долой, отче, — попросил священника атаман. — Закопай в церкви под алтарем, пусть там часа своего дожидаются.

Храм божий был одним из первых строений в быстро растущем остроге. Первым, понятно, на высоту пяти саженей поднялась над берегом реки, возле вытасненных на отмель стругов, широкая опорная башня с четырьмя боевыми ярусами. В ней одной, коли беда случится, можно было оборону держать, в ней же и от непогоды укрыться. В тесноте, да не в обиде. Возле башни казаки сладили и простенькую церквушку с единственным приделом и островерхим шатром — дабы было где на колени пред Господом опуститься, в грехах покаяться да отпущение получить. Опосля, из уважения, избу для атамана сложили. В шатре, под ветрами холодными, что с моря дули, с женой молодой воеводе Егорову было холодновато.

Ныне казаки, выволакивая на лямках, словно бурлаки, из ближнего леса еловые бревна, складывали из них еще две башни, успев поднять обе уже по два яруса. И каждый раз, когда перекрывался очередной потолок, в первой, главной башне становилось чуточку свободнее.

Еще дней семь — и башни будут закончены. После этого между ними останется врыть частокол, и вот тогда острог уже будет настоящей, прочной крепостью с обширным внутренним двором, где и людей укрыть можно, и припасы. Скотину загнать, беженцев спрятать, торг безопасный организовать, армию для похода накопить. Твердыня...

Пока же, чтобы не мешать работе, Иван Егоров

спустился со взгорка к морю, подставил лицо холодному соленому ветру, непрерывно дующему в сторону горячего колдовского солнца. Остановился в нескольких саженях от прибоя, сложил руки на груди, устремив взгляд к темному, почти черному горизонту.

— О чем тревожишься, любимый мой?! — неслышно подкравшись, взяла его под локоть Настя. Жена...

— Колдунов давно не видно, — накрыл ее пальцы ладонью Иван. — Не к добру. То ли потеряли, то ли задумали что и готовятся... Ты ведь ведаешь, злопамятны они. Так просто побега нашего и разора не забудут.

— Может, и верно потеряли? Они ведь к теплу своему привыкли. А здесь вон, того и гляди ветер снег с моря понесет.

— Как раз сие мы, Настенька, и задумывали. Да токмо, на лучшее надеясь, к худшему готовиться надобно.

— О том не тревожься, атаман! Клянусь святой Бригитой, мы вояки битые, нас врасплох не заставишь. — Вслед за женой Егорова спустился к морю и его верный сотник. — Признайся лучше, друже, ты путь к городам дикарским ведаешь али для успокоения казацкого набег на капище большое пообещал?

Немец остановился рядом, поежился, прихлопнул свою кунью шапку, насаживая еще глубже на голову, запахнул засаленный козух.

— Есть одна мыслишка, Ганс, — признался атаман. — Скользкая чуток, сумнительная, однако же есть... — Он снял ладонь Насти со своего локтя, вывел жену вперед, обнял за плечи: — Мы когда с милой моей в полоне у сир-тя этих проклятущих томились,

обратил я внимание на мастерство их колдовское. Вроде бы и велико оно у чародеев, однако же не все-сильное. Я когда думал о чем просто, они сие понимали. А задумки потайные, не яркие, не замечали они, словно вовсе таковых и не было. Побег я задумал — мысли сии не слышали. Тропы разведывал — не догадались. С клятвой обмануть собирался — не прознали. А то, что о золоте постоянно размышлял, о поместьях, о знакомстве своем с государем — вот о том все знали в точности да нахваливали и награждать золотом и землей обещали.

— И че? — не понял Штраубе.

— А то, что глуховаты колдуны в происках своих! — фыркнул в ухо жене атаман, заставив Настю вскрикнуть. — На умение свое сир-тя шибко полагаются, ан в умении сем слепы, аки кроты. Вот сомнением их и хочу воспользоваться. Коли долбленку взять со струга моего, ветками борта и гребцов прикрыть, веслами шибко не размахивать, думать постоянно о листьях зеленых, вкусных веточках, цветках пахучих... Так лодку сию чародеи с десяти сажен не углядят, за тварь болотную примут. Коли большой, да о траве мыслит — стало быть, зверь, а не воин. Они ведь не столько глазами, сколько чарами сторожат... Сам себя не выдашь, они и приглядываться не станут.

— Это верно, — неожиданно согласилась Настя. — Меня знахарки тамошние тоже умением сим поразить старались, однако же окромя страха ничего учуять не смогли. Даже когда пить хотела али еще чего — и то не понимали, пока сильно сим мучиться не начинала.

— От оно! — обрадовался подтверждению жены Егоров. — Куда плыть, оно понятно, аккуратно под солнце колдовское. У селений мелких не задерживаться, токмо цели своей держаться да про траву думать. А как большой град встретится — путь к нему надобно запомнить да за остальными казаками вернуться. Коли сие у меня получится, тревоги не вызову, колдунам не попадусь — стало быть, и большие струги тайно пройти смогут. Соберемся да вдарим неожиданными! При таком раскладе пороха много не уйдет, испуга для победы хватит...

— Постой-постой, Ванечка! — встрепенулась Настя. — Ты чего, сам задумал плыть? Не пущу!!! Хватит одного раза, в лапах чародейских намучился! Пусть другой теперь кто сплаваает.

— И то верно, атаман! — громко хмыкнул Штраубе. — Где это видано, чтобы воевода лазутчиком в дозоры уходил? Не, то дело не боярское — атаман здесь, в остроге надобен! Я лучше сплаваю!

— Ты не годишься, — мотнул головой Егоров. — Горяч, земель наших не знаешь, с колдунами не сталкивался. Нет! А мне их повадки уже знакомы...

— Ты атаман! — снова напомнил немец. — Ты командовать должен, коли враг нападет, ты строительством руководить обязан, к походу большому ватагу готовить. Тебе уходить нельзя. А мне можно!

— Нешто я тебя не знаю, Ганс? Ты, чуть опасность увидишь, ровно порох вспыхиваешь! Меч из ножен — и ага, вперед головы рубить. Коли же рубить некого, о том лишь мыслишь, как подловить врага, выманить или перехитрить. Где тебе о траве и ветках несколько дней кряду помышлять? Тебя на